

ДЯТЛОВ, ПТИЦА НО

30 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Уда по осени сорок второго года пропал выпускник РУ-2, ученик слепяря, комсомолец-активист Коля Мартынов, до самого конца войны верялись в догадках даже его близкие. На фронт этому непоседе в его пятнадцать лет вроде бы рано было. Если бы набедокурил, тоже ведь могли бы. Чуть ли не на три года человек как в воду канул – ни письма, ни извещения.

Ту старую историю недавно, незадолго до своей смерти рассказал сам Николай Николаевич Мартынов – он же Николай Дятлов, курсант знаменитой спецшколы радистов-разведчиков в санатории «Красный Холм». Передал в музей УФСБ карту, что была с ним в Восточной Пруссии летом и осенью предпоследнего года войны, дискету с воспоминаниями о той операции. Информация о ней до самого последнего времени была закрыта для прессы.

НА ПОДСТУПАХ К «КОРОЛЕВСКОЙ ГОРЕ»

В тенистых лесных угодьях на границе Польши и Восточной Пруссии, похожих на проторные парки, тем летом было не до прогулок. Бои уже шли совсем рядом – в Литве и Латвии, горячо было и здесь, на ближайшем немецком тылом предполье. Рейх судорожно гнал на передовую подмогу, со востока на запад непрерывно шли составы с ранеными и покоренной техникой. На подступах к «Королевской горе», старинному оплоту хваленного прусского боевого духа – Кенигсбергу, яблоку негде было упасть от аэродромов, укрепрайонов, минных полей.

Радиостанцию Дятлова после выброски их разведгруппы немец не мог запеленговать целый месяц, будто не веря такой рыти противника – передавать водки буквально из-под носа вیرهлого гауляйтера Восточной Пруссии Эрика Коха.

Причем начинать группе капитана Александра Радюка пришлось с чистого листа. Довоенные явки все были проважены или передислоцированы. Связных не осталось, кроме пинночки. Та оказалась где и тогда нужно. Как ни в чем не бывало пасла по просеке стадо буренок. Принесла питье, съестного. Помогла нанести на карту место высадки. Как умела, ответила на вопросы разведчиков.

Базу, понятно, оборудовали удале от глаз людских, а от наблюдательных пунктов, основной и запасной, волевымешкой пришлось им выдвигуть поближе к автостраде и железной дороге. Одног мудреного сообщения Дятлова в разведцентр, к примеру, о том, что там-то и тогда-то прошел эшелон с живой силой из Кенигсберга в Пилау, бывало вполне достаточно, чтобы после нашего авианалета тот эшелон уже никогда не прибыл к месту назначения.

КОНСТАНТИН

Дятлов трудился по ночам. Раз в неделю давал на коротких волнах радиограмму, стараясь уложиться в нормативный темп передачи сигнала: 95 знаков цифрового текста и

240 – буквенного. Отстучал дятел свои три минуты – и молчок, поди поймай его, фриц.

Днем радист отдыхал. Однажды отправился Дятлов с молочным бидончиком по воду на заветный лесной родничок. Вдруг откуда ни возьмись шагает ему навстречу человек в штатском.

– Давно наблюдаю за вами, – речь без малейшего акцента. – Вы русские?

– А вы, собственно, кто? – наполняя бидончик, помедлил с ответом Дятлов.

– Бывший старший лейтенант Красной армии, – шел вабанк незнакомец. – В плен попал – так случилось – еще в тридцать девятом. Служу тут неподалеку у одного старого графа – отставного вояки. Я мог бы оказать вам посильную помощь.

На прощание дружески протянул руку:

– Константин.

Отказываться от предложения было не резон. Но сперва, конечно, предстояло получить добро у центра. Договорились незнакомец испытать. Попросили его уточнить местонахождение близлежащего немецкого аэродрома – «экспериментального», как значилось в разработке. Тот выдержал паузу и согласие дал. На следующую встречу данные такие принес.

Проверили на месте – никакого подвоха. Правда, ничего необычного на том аэродроме не обнаружилось. Стояли серийные «мессеры», «юнкерсы» и «фоки».

Является как-то Константин и говорит:

– С вами хочет познакомиться один бельгиец. Назначает место встречи и позывные – будет петь «Катюшу».

«БЕЛЬГИЕЦ»

Невесть откуда взявшийся любитель пения в форме офицера вермахта оказался резидентом английской разведки. Работал на Балтике в одном из немецких портов, владеет информацией о передвижениях немецких ВМС. Объяснил на ломаном русском: остался без связи – дескать, дружить давайте, коллеги. Не передадите ли, мол, данные «от Алекса» в его резиденцию.

Деликатный диалог вел сам капитан Радюк – следопыт «номер один» в группе, непревзойденный ночной ходок по чужой территории по дорогам и без дорог и мастер преодоления «пересеченной местности» в общении с незнакомыми людьми.

В конце переговоров «бельгиец» получил от капитана несколько жестких условий, и главное из них: содержание радиограмм должен знать наш разведцентр, а если понадобится, то и начальство повыше.

«Начальство повыше» сразу же дало понять, что подобная неуставная общительность

разведки только приветствуется – союзники есть союзники.

Ободренный «бельгиец» еще и карту попросил. Но получил ее не целиком, а только один скопированный фрагмент. И базу на всякий случай решили ему не показывать. Встречались на нейтральной территории. Дружба дружбой, а служба службой.

Обнаружился неподалеку и лагерь советских военнопленных – как уверял вездесущий Константин, «с нестрогим режимом». И в самом деле, чело-

век четыреста строили в чистом поле под Кенигсбергом доты. Накоротке встретились с посланцами лагерного комитета. Те настроены были по-боевому: дайте нам, говорили, оружие, и как только Красная армия перейдет границу, мы тут все в щепки разнесем.

Оружие у разведки какое? Только табельное. И просьба осталась невыполненной. А вот схему окрестных немецких минных полей военнопленные от своих новых друзей получили. Она вскорости и самой группе понадобилась.

ГОЛОД НЕ ТЕТКА

В конце лета из центра поступила установка – усилить бдительность: авиаразведка показывает переброску под Кенигсберг крупных сил немец. Дороги группа Радюка по-прежнему контролировала надежно, и подтвердить это с наблюдательных пунктов не составило им большого труда. Судя по происходившему на магистралях, рейх готовился к обороне Кенигсберга, и значит, как предположил все тот же пронцательный капитан Радюк, зимовать в прусских лесах им, скорее всего, не придется.

Между тем «эн-зэ», припятанный в день десантирования, давно иссяк, забрезжила для разведчиков незавидная перспектива совсем скоро положить зубы на полку. Дали знать об этом «наверх». Им трижды назначили время и место – встречайте груз, и трижды они уходили ни с чем. Хлеба не было. На полях еще оставалась

Ща НОЧНАЯ

разведки только приветствуется — союзники есть союзники.

Ободренный «бельгиец» еще и карту попросил. Но получил ее не целиком, а только один скопированный фрагмент. И базу на всякий случай решили ему не показывать. Встречались на нейтральной территории. Дружба дружбой, а служба службой.

Обнаружился неподалеку и лагерь советских военнопленных — как уверял вездесущий Константин, «с нестрогим режимом». И в самом деле, чело-

невыкопанная картошка. Пекли ее на костре, ели без соли. Щи варили из заячьей капусты — скулы сводило от этого приторного витаминного корма.

Голод не тетка, вот и созрела у них крамольная мысль зайти в гости к фрицам — попробовать с боем раздобыть еду. Осторожно подступились к одному из домов фольварка, но их заметили. Костю Зырянова ранили прямо через оконное стекло из крупнокалиберного охотничьего ружья — с таким ходят на кабанов.

халаты, они не защищали даже от легкого морозца. Появилась прежде никому из них не знакомая вялотекущая апатия.

В недобрый час попали они под облаву. Напарник Дятлова Иван Подчешинский был ранен в руку. «Ваня, давай в лес!», — настоял Дятлов. Цепь шла прямо на них. До нее оставалось шагов триста. Успели Ивану обвисшую руку подвязать обрывком парашютной стропы.

Был такой неписанный закон у разведчиков: если ты ранен и есть опасность оказаться в

Постовой за деревяней крикнул:

— Кто идет?

— Свои, партизаны, — отвечали они, заросшие и оборванные, похожие на всех чертей.

— Стоп, партизаны! — округлил глаза часовая и ракетой поднял тревогу.

Их обступили, разглядывая. Усадили за стол, пшенной кашей накормили. С Дятловым приключился голодный обморок. Наутро начальник укрепрайона допросил их, слегка усомнившись, как это можно прийти целыми и невредимыми из-под Кенигсберга.

— Там же у них комар безнаказанно не пролетит.

Ночевали они «до выяснения обстоятельств» в холодном подвале. Утром они все же настояли, чтобы разведцентру о них дали знать немедленно. Через пару дней их доставили на самолете в Каунас — в штаб 3-го Белорусского фронта. Военная разведка посмотрела на них повнимательней, и всех сразу увезли в госпиталь. Радюк с Дятловым отчет писали прямо в палате.

Потом появился там незнакомый полковник.

— Встать, смирно! — с порога скомандовал он.

Вскочили прямо в больничных пижамах. Полковник улыбается: дескать, каковы гвардейцы. Вынимает из полевой сумки ордена — Отечественной войны II степени для радиста и Боевого Красного Знамени — для командира.

Когда радиста отправляли в отпуск, вещмешок с небогатым сухим пайком он еле поднял — настолько был еще слаб. А когда нежданный гость появился на пороге родного дома, соседи шептались:

— Видать, из тюрьмы Колька-то.

Под новый сорок пятый год Мартынов позвал гостей. Но не пришел никто. На другой день отправился удрученный в «серый дом» — урегулировать вопрос. Разрешили объяснить про Дятлова только матушке. После этого набралась полная горница гостей. Когда фронтовик вышел при наградах, сцена получилась — вот именно, немая как у Гоголя.

После отпуска Мартынов снова стал Дятловым. Получил другую рацию и новое назначение. Дослужился до начальника радиостанции разведки у маршала Василевского, а затем и всей Северной группы войск. Домой вернулся только в пятидесятом — даже пришлось писать Молотову, а то не отпускали.

Поступил на завод РТИ, выбрали там Мартынова комсоргом. Готовился в вуз, получил направление в институт международных отношений. Учиться согласился, если дадут в Москве жилье: у него уже была семья. В квартире отказали, он забрал документы, возвратился в Ярославль. Преподавал в автомеханическом техникуме, был начальником цеха крупного завода. Лет двадцать отрубил в профсоюзках.

Про войну и Дятлова не забывал, но было, в общем, не до них. Вспомнил незадолго до смерти. Успел, оставил навсегда память о себе.

Юлиан НАДЕЖДИН.

Николай Мартынов. Фото конца 90-х годов.

век четыреста строили в чистом поле под Кенигсбергом доты. Накоротке встретились с посланцами лагерного комитета. Те настроены были по-боевому: дайте нам, говорили, оружие, и как только Красная армия перейдет границу, мы тут все в щелки разнесем.

Оружие у разведки какое? Только табельное. И просьба осталась невыполненной. А вот схему окрестных немецких минных полей военнопленные от своих новых друзей получили. Она вскорости и самой группе понадобилась.

ГОЛОД НЕ ТЕТКА

В конце лета из центра поступила установка — усилить бдительность: авиаразведка показывает переброску под Кенигсберг крупных сил немцев. Дороги группа Радюка по-прежнему контролировала надежно, и подтвердить это с наблюдательных пунктов не составило им большого труда. Судя по происходившему на магистралях, рейх готовился к обороне Кенигсберга, и значит, как предположил все тот же прощительный капитан Радюк, зимовать в прусских лесах им, скорее всего, не придется.

Между тем «эн-зэ», припятанный в день десантирования, давно иссяк, забрехала для разведчиков незавидная перспектива совсем скоро положить зубы на полку. Дали знать об этом «наверх». Им трижды назначали время и место — встречайте груз, и трижды они уходили ни с чем. Хлеба не было. На полях еще оставалась

Затея провалилась. С тяжело раненым остался в укрытии Виктор Чистяков. Условились забирать ребят на базу на другой день.

Их опередило гестапо. Как потом выяснилось, Чистяков сколько мог отбивался в одиночку, до конца стоял против взвода карателей с собаками. Немцы же их и схоронили. Офицер над могилой будто бы внушал своим солдатам: если бы каждый погибал, как эти русские, то победа была бы за нами.

Только в конце сентября Дятлов принял радиogramму, что обещанный провиант будет доставлен. Самолет на сей раз действительно появился. Зависла над ночным лесом пара грузовых парашютов. Мешки приняли нормально, но уразуметь тайные помыслы службы обеспечения — зачем им сбросили десять кило мыла и десять пар новеньких хромовых сапог — никто из разведчиков так и не сумел. Консервные банки были сильно помяты, четыре фляги со спиртом будто кто-то каблуками топтал.

«Может быть, — мрачно острили разведчики, глядя в небо, — там думают, что мы все равно потенциальные покойники, зачем и стараться». У Дятлова на душе отлегло, когда позже узнал он, что старший лейтенант, отсылавший груз, разжалован в рядовые и отправлен на фронт.

А тут еще и холода завернули. Одета разведка была по-летнему. Самое теплое, что имело у них в гардеробе, — маск-

плени, ты обязан застрелиться. Иван потянулся к кобуре. Но Дятлов его остановил: мол, погоди, попробуем спастись вместе. Шагов за пять от них цепь, обходя мелкий березняк, разомкнулась именно там, где они залегли, приготовившись отдать свои жизни подороже.

После получения из центра радиogramмы с долгожданной вестью о начале наступления Красной армии на Кенигсберг и прекращении по этой причине связи с группой они решили выходить к своим через линию фронта. Сил не оставалось. Но они встали и пошли.

ПОХОЖИЕ НА ВСЕХ ЧЕРТЕЙ

Топали по ночам, под вспышками осветительных ракет, доверяясь феноменальному штурманскому нюху все того же Радюка — он вел их на далекую артиллерийскую канонаду. Как-то под вечер они уснули в молодом сосняке. Ночью пошел дождь, утром подморозило. Коркой льда их маскхалаты приковало к земле, еле отодрали. Совсем рядом услышали немецкую речь: оказались ненароком в расположении дивизиона дальнотной артиллерии. Любой из obsługi, отойди по нужде, наткнулся бы на них.

Шли они много дней, теряя счет времени. К нашим позициям подобрались по лесу. Ползли на знакомую песню, которую кто-то затянул то ли прокуреным, то ли напрочь простуженым баском: «Девушки пригожие паренька приметили...»